

УДК 398.22 (=512.157)
DOI 10.25587/c2037-7658-4383-w

А. А. Борисова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

МОТИВ УНИЧТОЖЕНИЯ ЧУДОВИЩА АБААСЫ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО В СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ С БУРЯТСКИМ ЭПОСОМ

Аннотация. Рассматривается мотив уничтожения чудовища абаасы якутского олонхо в сравнительном анализе с бурятским улигером. Якутским материалом послужили тексты олонхо, опубликованные в «Образцах народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (1907-1918). Бурятским источником были выбраны разные версии улигера «Гэсэр», изданные в 1960-1968 гг. Сюжет поединка героя со своим противником является кульминационным моментом в содержании обоих эпосов. Разумеется, главный герой всегда побеждает антагониста, ведь в этом и смысл героического эпоса. Мотивный фонд с описанием уничтожения врага является таким же кардинальным, как и мотив поединка. Смертельно опасный враг погибает от рук главного героя олонхо, но полностью не уничтоженное мертвое тело вновь оживает, продолжая творить зло и хаос. Известными исследователями тюрко-монгольского фольклора отмечены общие черты олонхо и улигера (В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, И. В. Пухов, Г. У. Эргис, В. В. Илларионов и др.). Сравнительные работы в сфере тюрко-монгольской фольклористики продолжают вызывать интерес и требуют исследования с разных сторон. Сопоставительное изучение мотива уничтожения чудовищ якутского и бурятского эпосов еще не проводилось. Целью исследования является определение мотива уничтожения врагов героя якутского олонхо с описанием сходств и различий с бурятским эпосом. В работе использована методология текстологического анализа с применением описательного и сравнительного методов. Автором выявляются несколько общих моментов в исследуемом мотиве: способы сожжения трупа; воскрешение чудовища от останков тел; способ захоронения коня вместе с чудовищем. Победа главного героя и уничтожение чудовища показывает идею справедливости, превосходства добра над злом, светлой силы над темной. А в способности чудовища абаасы быть бессмертным заложена философская идея вечной борьбы добра и зла, которая остается неизменной и по сей день. Схожесть мотивов якутского и бурятского эпосов способствовала решению расширить исследовательский материал, привлечь эпические тексты других тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: эпос, якутский, бурятский, олонхо, улигер, мотив, уничтожение врага, противник, чудовище абаасы, чудовище мангадхаи, сравнительный анализ.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

А. А. Borisova

Motif of destruction of the monster-abaasy in Yakut olonkho in comparative analysis with the Buryat epic

Abstract. The motif of destruction of the monster-abaasy of Yakut olonkho in comparative analysis with Buryat uliger is considered. The Yakut material was the texts of olonkho, published in *Samples of folk literature of Yakuts* by E. K. Pekarsky (1907-1918). The Buryat source chose different versions of the street *Geser*, published in 1960-1968. The plot of the fight between the hero and his opponent is the culmination of the content of both olonkho. Of course, the main character always wins the antagonist, because this is the meaning of the heroic epic. The motif fund with the description of the enemy's destruction is as cardinal as the motif of the fight. The mortally dangerous enemy dies at the hands of the main character olonkho, and a completely undestroyed dead body comes

БОРИСОВА Анастасия Анатольевна – м. н. с. сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: harantaby@mail.ru

BORISOVA Anastasia Anatolievna – Junior Researcher of the sector “Olonkho Studies”, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: harantaby@mail.ru

to life, continuing to create evil and chaos. Famous researchers of Turkic-Mongolian folklore noted common features of olonkho and uliger (V. M. Zhirmunsky, E. M. Meletinsky, S. Yu. Neklyudov, I. V. Pukhov, G. U. Ergis, V. V. Illarionov, etc.). But comparative works in the field of Turkic-Mongolian folklore continue to arouse interest and require research from different sides. Study of the motif of destruction of monsters of the Yakut and Buryat epic has not yet been conducted. The aim of the research is to determine the motif of destruction of enemies of the Yakut olonkho hero, as well as to describe similarities and differences with the Buryat epic. The work uses the methodology of textological analysis using descriptive and comparative methods. The author reveals several general points in the studied motif: methods of burning the corpse; resurrection of the monster from the remains of bodies; method of burying the horse together with the monster. The victory of the main character and the destruction of the monster shows the idea of triumph of justice, the supremacy of good over evil, light power over dark. And in the beast's ability to be immortal is the philosophical idea of the eternal struggle of good and evil, which remains unchanged to this day. The similarity of motifs of Yakut and Buryat epics contributed to the decision to expand the research material and attract epic texts of other Turkic-Mongolian peoples.

Keywords: epic, olonkho, uliger, motif, destruction of the enemy, enemy, monster-abaasy, monster-mangadhai, comparative analysis.

Acknowledgements: The research was conducted in the framework of the research project of NEFU "Heroic epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: problems and perspectives of comparative study".

Введение

Известно, что якуты и буряты не только схожи в языковом, культурном плане, но и близки по географическому ареалу. Существовали гипотезы, что якуты и буряты когда-то составляли один народ [1, с. 27, 46]. Академик А. П. Окладников предположил, что к приходу русских на Ангару кочевали в своих легких юртах из войлока балаганские буряты. Еще раньше, в VI-X вв. н. э., степи по Унге занимали такие же скотоводы – тюрки по языку, которых в древних тюркских каменописных текстах Монголии называли «тремя курыканами». По мнению историка, курыканы – это предки якутов [2, с. 72].

Древнейшее эпическое искусство – героический эпос является кладезью знаний, мудрости и национальной самобытности народов. Якутский и бурятский эпосы сохранили архаичный традиционный стержень, они разнообразны мифологическими персонажами и богатым сюжетным строением. Известными исследователями тюрко-монгольского фольклора (В. М. Жирмунским, Е. М. Мелетинским, С. Ю. Неклюдовым, И. В. Пуховым, Г. У. Эргисом, В. В. Илларионовым и др.) отмечены общие черты олонхо и улигера. Е. М. Мелетинский отметил, что «в якутском олонхо, так же как и в бурятских онтох и улигэрах, тема борьбы с чудовищами часто переплетается с темой героического сватовства» [3, с. 276]. Главные герои олонхо и улигера в основном защищают прекрасную девушку, которая является яблоком раздора, началом всего конфликта. Образ девушки – олицетворение чистоты и мира, символ матери-земли, народного единства. Поражение героя в борьбе с противником в защиту девушки означало бы потерю земли, предательство своего народа.

Мотив победы героя над врагом является кульминационным моментом в сюжетной линии обоих эпосов. В содержании текста одного героического эпоса в основном существуют несколько персонажей чудовища, встречающиеся на пути главного героя.

Якутский поэт, фольклорист А. Е. Кулаковский отметил, что былинные и сказочные абаасы «смертны, но иногда могут вновь перевоплощаться в человека, если останется в целости какая-нибудь существенная часть тела, и если эта часть попадет в руки родных умершего» [4, с. 26]. В целях предотвращения воскрешения чудовища абаасы, герой-победитель олонхо совершает особый многодневный ритуал, не оставляя от трупа умершего ничего. Об этом писал один из крупных семиотиков фольклора С. Ю. Неклюдов: «Полное уничтожение возможно лишь при разъятии тела на множество мельчайших и не связанных между собой элементов. Богатырь разрубает труп чудовища на куски, размалывает на мельнице, сжигает на костре, развеивает по ветру, т. е. стремится к своеобразной “дематериализации” тела противника, к превращению его “в ничто”, “в невидимое”» [5, с. 65].

В бурятском улигере мотив победы героя над чудовищем, так же, как и в якутском, имеет разные варианты. В сравнительной работе версий «Гэсэр» ученые Л. С. Дампилова, Е. Э. Хабу-

нова определили различные способы расправы над врагом. Выявили, что в эхирит-булагатской версии зачастую используется сжигание тела. В унгинских вариантах существуют несколько моментов: «разрезание шкуры», «вырезание языка», «разрушение тела», «простреливание головы». Также в эхирит-булагатской и других эпосах существует сжигание тела врага вместе с конем [6, с. 249-250].

В качестве якутского материала исследования использованы дореволюционные тексты олонхо, включенные в «Образцах народной литературы якутов» под редакцией польского этнографа, фольклориста Э. К. Пекарского. Для рассмотрения бурятского эпоса выбраны тексты трех версий улигера «Гэсэр», опубликованных в 1960, 1961 и 1968 гг. Для достижения поставленной цели использована методология текстологического анализа с применением описательного и сравнительного методов.

Образы противников

В якутском героическом эпосе противниками главного героя являются чудовища абаасы – обитатели Нижнего мира. В. Л. Серошевский писал, что «абаасы противопоставляется герою олонхо. Он злой дух, необычайной величины, страшной наружности, злой, жесткий, хищный». Исследователь утверждал, что абаасы олонхо совсем другие по сравнению с шаманскими абаасы, и их нельзя отождествлять. В олонхо эти образы «являются людьми, врагами якутов. Они живут, как люди, борются с героями из-за обладания женщинами, грабят у них скот, владеют имуществом, домами и стадами. Ничем не отличаются от добрых героев душевными качествами: хитры, вспыльчивы, алчны, жестоки, только одного из них любит рассказчик, а другого – нет. Внешность отличное от якутского, чужестранное, но человеческое. В некоторых олонхо их зовут нуучча, хоро или омул» [7, с. 591]. Роль злых и добрых духов В. Л. Серошевский называет особой, почти такой же, как роль греческих богов в «Илиаде» [7, с. 591].

Фольклорист В. Я. Пропп отметил, что настоящие враги в якутском героическом эпосе – это абаасы, которые живут в Нижнем мире. Деление на три мира, как утверждает ученый, в других народах уже не существует, такое представление уже исчезло. Этим он указывает архаичность якутского олонхо [8, с. 35-36].

Зачинатель якутской фольклористики Г. У. Гермогенов – Эргис в свое время написал, что «образы абаасы сложны, происхождение их теряется в глубине веков» [9, с. 205]. Один из основоположников сравнительного изучения эпосов народов Сибири И. В. Пухов предполагал, что «образ богатыря абаасы в дошедших до нас олонхо представляет мифологизированное обобщение всякого зла, которое видел народ <...> отражены не только отношения с древними племенами, но и оценка явлений природы, стихии» [10, с. 147].

Врагами Гэсэра выступают чудовища *мангадхай* (или *мангусы*). Иногда появляется образ змея, подобный дракону. Е. М. Мелетинский писал, что «весьма архаичны сказания о борьбе с чудовищами в бурятском эпосе, особенно в эхирит-булагатских улигэрах, которые сохранили многочисленные следы старого звероловческого быта, матриархата и т. д. Чудовища обычно называются мангадхаями (сравн. в монгольском эпосе – монгусы)» [3, с. 272].

Безусловно, чудовища якутского и бурятского эпосов являются мифологическими персонажами. Как и все волшебнo-сказочные существа, они обладают оборотничеством и способностью воскреснуть заново.

Способ сожжения тела

Основной вид избавления от трупа чудовища в якутском и бурятском эпосах – это сжигание. Главный герой стремится всеми способами не оставить ни следа от тела своего врага.

С. Ю. Неклюдов писал: «Подобная предосторожность оказывается не лишней хотя бы потому, что в каждой из этих мельчайших частей еще продолжает теплиться жизнь убитого, как бы равномерно в них растворенная; в особых условиях они в принципе способны к регенерации целого организма» [5, с. 65].

В большинстве якутских сюжетов, если богатыри побеждают и убивают абаасы, они не оставляют гнить труп врага, а со всей трепетностью и осторожностью совершают особый ритуал. Рассмотрим несколько примеров из текста олонхо:

Нюргун Боотур Стремительный кромсает и сжигает тела своих врагов: *Абааһытын бухатырын <...> кырбастан баран, туспан кутаа уоту оттон баран дэлби убатан кэбистэ* [11, с. 38]

‘Раскромсал тело богатыря абаасы, отдельно развел большой костер и сжег тело своего врага’ [пер. наш].

Богатырь Бэрт Хара после убийства абаасы: *Сэттэ нэчээтинэй иини хаспыт, сэттэ тэргэн тишти дэлби мастаабыт, уот оттубут. Маныха абааһытын быраган баран сэттэ күнүстээх түүн тухары уот убаптыт. Унуобун сыыстаан таһаарбыт, икки суоруна таас икки арыгар дэлби мэлийбит, байадалга көтөбөн киллэрбит, куппунт, силиргэхтээх тишти көтүрү тардан ылан дэлби ытыйан кэбиспит* [12, с. 45] ‘выкопал семь ям, порубил семь больших деревьев, развел огонь. В этот огонь он бросил труп абаасы и оставил гореть в течение семи дней. Потом достал оставшиеся кости, смолол их на жерновых мельницах. Измельченные кости бросил в море, затем размешал все это целой лиственницей с корнями’ [пер. наш]. Его зола превращается в насекомых.

Схожий момент существует в эпосе «Братья Элик боотур, Ныгыл боотур». Когда погибает Тимир Тисиктэй чудовище, богатырь кромсает его тело на части. Вырубает семь больших деревьев, копает яму глубиной в три сажени. Разводит огонь, труп оставляет гореть три дня. Пепел бросает в море и так же размешивает.

Иногда абаасы перед неминуемой смертью после поражения просит похоронить его как следует. В олонхо «Старик со старухой» абаасы Хоро Дыбырдаан просит главного героя о погребении его тела в гробу, а также установить крест на его могиле. Но богатырь не слушается его и поступает с его телом так же, как богатырь в олонхо «Бэрт Хара», т. е. сжигает тело абаасы.

Подобный сюжет со сжиганием тела присутствует и в бурятском улигере «Гэсэр». Сжигание тел чудовищ мангадхаев является обязательным ритуалом в победе над врагом: «Много дров он сухих наломал и собрал, много дров он сырых, вырывая, собрал и в огромную кучу сложил. Мангадхая старшего он бросил туда. Вслед за тем с четырех ли, с восьми ли сторон он огонь там пустил. Он маралов тут, выдернув, взял, проглотил, через нос свой и рот все их кости и жидкость он выдул наружу. Мангадхая старшего он сжег. Его кости собрал в девяносто семь мешков. Ветряную построил он мельницу, кости на ней смолол. Он осиновою сделал лопату, на море, туманном, черном ту костяную золу он развеял. Когда ту золу костяную развеял, на море, туманном черном легла она пенкой, что с палец была толщиной» [13, с. 58].

Мотив уничтожения путем сожжения трупа является основным способом избавления от врага в обоих эпосах. В якутском олонхо, иногда полноценное описание отсутствует, вместо этого говорится: *ый ыһаба гынан* ‘в крошево искрошив’, *күн күдэнэ онорон* ‘в прах растоптав’.

Итак, в обоих эпосах способ уничтожения врага путем сожжения его тела применяется почти одинаково. В якутском и бурятском мотивах происходят следующие схожие действия: рубка лесных деревьев; разжигание огня; бросание тела чудовища в пламя; оставление тела на некоторое время в огне; размеливание костей; собирание пепла; развеивание праха над морем / по ветру.

Воскрешение чудовища из останков тела

Такое сложное и многодневное мероприятие по захоронению абаасы проводится с целью полного уничтожения существования врага. В случае оставления какой-либо части тела, абаасы может воскреснуть. Подобное развитие сюжета с оживлением абаасы отмечается в олонхо «Строптивный Кулун Куллустур»: богатырь думает, что убил абаасы Тимир Суорун, но капли слез единственного глаза абаасы становятся размером с половину огненного кнута и стекают в огненное море; и позднее абаасы воскресает и помышляет только о мести. Интересно, что при воскрешении его имя меняется, он становится Кытыгырас Баранчаем.

Абаасы иногда бессмертны, останки его тела продолжают жить. В олонхо «Братья Басымны батыр и Эрбэхтэй бэргэн» богатыри убивают злую девушку абаасы Аан Сарапанай хотун и сжигают ее тело. Но зрочки ее глаз улетают в небо, оттуда она их проклинает.

Существуют моменты, когда прах чудовища превращается в разные гады и насекомые. К примеру, отрывок из олонхо «Старик со старухой»: *үөн-көйүүр буолан кини унуоҕа сытар, чоху, хомурдуос, уу кыһа* [12, с. 64] ‘его кости превратились в насекомые и гады, в водолюба, в жука, в личинку стрекозы’ [пер. наш]. Интересный сюжет прослеживается в северном олонхо «Старик Ураныкаан»: главный герой обезглавливает девушку-людоеда и бросает ее голову в море. Ее голова превращается в двух окуней смерти – *икки өлүү альһар балыга* [12, с. 32].

В сюжете «Гэсэр» (1968) Хан Хурмас убивает правителя 44-го из небес, покровителя лошадей, источника зла Атай Улана. Части тела мертвого правителя превращаются в разные чудовища: голова повисает между небом и землей и превращается в чудовище Архан Шудхэр, исходящего слюной: «проглотить хочет солнце с луной» [14, с. 103]; позвонок попадает на урочище Хонин Хото и становится шулмусом огненноликим по прозвищу Гал Нурман хан; рука правая оживает на земле, на горе Сумбэр скала становится тигром по прозвищу Орголи; рука левая превращается в злое чудовище Шэрэм Минхата; грудь пустотелая на урочище Хонин Хото становится алчным, свирепым чудовищем Абарга Сэсэн; седалище становится диким чудовищем Лойро Лобсоголкой; ноги превращаются в трех сестер Лобсоголкой.

Мотив воскрешения чудовища попадает редко как в якутском, так и бурятском эпосах. Во многих случаях герои пытаются полностью уничтожить тело врага.

Убийство чудовища вместе с конем

Конь и человек в якутском и бурятском эпосах неразрывно взаимосвязаны. Боевых коней имеют не только главные герои, но и якутские чудовища абаасы и бурятские мангадхай. В сюжетах олонхо и улигера зачастую не упоминается убийство коня, но в редких случаях сохранились древние мотивы, связанные с традициями и культурой якутов и бурятов.

Так, в якутском олонхо «Бессмертный витязь» богатырь убивает врага Тимир Няхалля. После этого случая богатырь надевает железную одежду своего противника, садится на его железную лошадь и отправляется в страну чудовищ абаасы. Прикидываясь чудовищем абаасы, убивает младшего брата Тимир Няхалля и всю его родню и соседей. Уничтожив целую страну абаасы, богатырь Бессмертный Витязь убивает и коня покойного: «... на южной каменной горе, протоптал там могильную яму, железную эту лошадь свою, туда положивши, похоронил, с таким заклинанием: “Упавшее да не выйдет на поверхность, умершее да не оживет!”» [15, с. 116]. Истребление всего рода абаасы, убийство коня с заклинанием «пусть умершее не оживет» говорят об смертельной опасности чудовищ абаасы.

Подобный сюжет с убийством врага и его коня находим также в бурятском «Гэсэр». Так, после победы Гэсэра над могучим монстром Гал дулмэ ханом его сжигают вместе со «звездно-чубарым конем» и пепел их развеивают. Черты врагов Гэсэра в исследуемых текстах гипербололизированы, мотив равенства противников в эхирит-булагатской версии поддерживается вариантом мотива уважения к врагу. После победы обязательным является вариант мотива достойного захоронения врага как героя: «Молодца победил – и хорошую лошадь над ним я забью!» [13, с. 171].

Таким образом, в якутской версии герой олонхо хоронит коня врага, а в бурятском эпосе коня сжигает. Возможно, в этих сюжетах сохранились древние традиционные культурные обряды, характеризующие поверье в существование потустороннего мира. В обрядовой культуре якутов и бурятов существовал ритуал захоронения человека вместе с конем, чтобы животное служил своему хозяину и в ином мире.

Оставление трупа на корм другим чудовищам или птицам

Необычный сюжет со съедением чудовища абаасы другими чудовищами обнаруживается в крупном якутском эпосе «Тойон Нюргун». Итак, богатырь Тойон Нюргун сначала убивает Модун Моой, вынимает сердце, печень и вешает их. Этими останками мяса кормятся черные вороны, девушки-илбис (богини войны, духи насильственной смерти). В конце богатырь отправляется убивать великое чудовище Эсюк Харбыла, он же властелин всех чудовищ абаасы (истребил всех и заставил подчиняться ему), могучий из своих сородичей. Но в конце его побеждает главный герой Тойон Нюргун. На побежденного абаасы Эсюк Харбыла бросаются другие парни абаасы, которые ранее присутствовали в его собрании, и полностью съедают его. В этом мотиве выявляются характерные особенности чудовищ абаасы: они готовы не только истреблять, убивать жителей Среднего мира, разрушать их землю и родину, похищать красивых девушек, но и в любой момент могут предать своих же соплеменников, могут питаться плотью своих сородичей. В этом и вся сущность чудовищ абаасы.

Заключение

Итак, уничтожение врага является одним из основных мотивов в линии сюжета якутского и бурятского эпосов. Во-первых, описанию уничтожения трупа чудовищ уделяется немалое

место в эпосе, во-вторых, для полной победы над противником герой совершает многодневный особый ритуал. В якутском олонхо, так же и в бурятском эпосе способом полного уничтожения противника является сожжение трупа. Данное действие в отношении тела умершего происходит почти одинаково в обоих эпосах. Оставшиеся кости от сожженного тела чудовища в якутском олонхо размельваются на жерновах, а в бурятском – на мельнице. После этого зола развеивается над морем (в бурятской версии иногда по ветру, дующему с севера). В бурятской версии зола становится пенкой, а в якутском эпосе прах иногда превращается в разные насекомые или в рыбу-смерть. В обоих эпосах выявлены мотивы сожжения трупа врага, сожжения трупа врага вместе с конем и воскрешения чудовища из останков тел.

Победа главного героя с последующим уничтожением чудовища отражает идею справедливости, превосходства добра над злом, светлой силы над темной. А в способности чудовища абаасы быть бессмертным заложена философская идея вечной борьбы добра и зла, которая остается неизменной и по сей день.

Литература

1. Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. – Якутск : Кн. изд-во. – 1992. – 415 с.
2. Окладников А. П. Открытие Сибири. – Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1982. – 208 с.
3. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники. – Москва : Наука, 1963. – 460 с.
4. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
5. Неклюдов С. Ю. Душа убиваемая и мстящая // Труды по знаковым системам. – VII, № 394. – Тарту : ТГУ, 1975. – С. 65-75.
6. Дампилова Л. С. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 241-253. – DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253.
7. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 1993. – 736 с.
8. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – С. 552.
9. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с.
10. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
11. Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] Вып. 1 / Под ред. Э. К. Пекарского. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1907. – 80 с. (На якутском и русс. яз.).
12. Худяков И. А. Образцы народной литературы якутов. Вып. 1 : Сказки. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1913. – 190 с. (На якутском и русс. яз.).
13. Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова. – Улан-Удэ : [б. и.], 1961. – 231 с. (На бурятском и русс. яз.).
14. Гэсэр. Бурятский героический эпос. – Москва : Худ. лит-ра, 1968. – 284 с.
15. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов / Ред. В. Л. Комаров. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1929. – 226 с.

References

1. Ksenofontov G. V. *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov. T. 1* [Yakuts Uraanghai. Essays on the ancient history of the Yakuts. Vol. 1]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1992, 415 p. (In Russ.).
2. Okladnikov A. P. *Otkrytie Sibiri* [Discovery of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1982, 208 p. (In Russ.).
3. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow, Nauka, 1963, 460 p. (In Russ.).
4. Kulakovskii A. E. *Nauchnye trudy* [Academic works]. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1979, 484 p. (In Russ.).
5. Neklyudov S. Yu. *Dusha ubivaemaya i mstyashchaya* [Soul killed and avenging]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. VII, No. 394. Tartu, TGU, 1975, pp. 65-75. (In Russ.).

6. Dampilova L. S. *Syuzhet o bogatyrskom srazhenii v buryatskikh versiyakh eposa o Gesere* [The plot of the heroic battle in the Buryat versions of the epic about Gesar]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, No. 7, pp. 241-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-241-253. (In Russ.).
7. Seroshevskii V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Experience of ethnographic research]. 2-e izd. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 1993, 736 p. (In Russ.).
8. Propp V. Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1955, pp. 552. (In Russ.).
9. Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik, 2008, 400 p. (In Russ.).
10. Pukhov I. V. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic olonkho. Main images]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, 256 p. (In Russ.).
11. *Obraztsy narodnoi literatury yakutov: v 5 vyp. Vyp. 1* [Samples of folk literature of Yakuts: in 5 iss. Iss. 1]. Pod red. E. K. Pekarskogo. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1907, 80 p. (In Yakut and Russ.).
12. Khudyakov I. A. *Obraztsy narodnoi literatury yakutov. Vyp. 1: Skazki* [Samples of folk literature of the Yakuts. Iss. 1: Tales]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1913, 190 p. (In Yakut and Russ.).
13. *Abai Geser-Khubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant)* [Abai Geser-Khubun: Epic: (Echirit-bulagat variant)]. Zapisan Ts. Zhamtsarano u skazatelya Manshuta Imegenova. Ulan-Ude, 1961, 231 p. (In Buryat and Russ.).
14. *Geser. Buryatskii geroicheskii epos* [Geser. Buryat heroic epic]. Moscow, Khud. lit-ra, 1968, 284 p. (In Russ.).
15. Yastremskii S. V. *Obraztsy narodnoi literatury yakutov* [Samples of folk literature of Yakuts]. Red. V. L. Komarov. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1929, 226 p. (In Russ.).